

УДК 80/81
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-40-56

О филологическом мышлении

В. И. Карасик

*Государственный институт русского языка
имени А. С. Пушкина
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается возможность выделения и характеристики филологического мышления как профессионально-обусловленного типа познавательной деятельности. Показано осмысление проблемной ситуации в двух ее типовых разновидностях – фактуальной и фикциональной. Профессиональная аргументация базируется на доминантных аксиомах, определяющих профессионально-предметную деятельность людей. Эта аксиоматика различна у представителей естественнонаучного и гуманитарного знания. Основные характеристики филологического мышления обусловлены принципами категоризации мира в языке, системой оппозитивных отношений, соотношением ключевых векторов лингвистического знания «содержание – выражение», «код – ситуация» и «значение – смысл».

Ключевые слова

филологическое мышление, доминантные аксиомы, категоризация мира, содержание и выражение, код и ситуация, значение и смысл

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Для цитирования

Карасик В. И. О филологическом мышлении // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 40–56. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-40-56

© В. И. Карасик, 2021

On Philological Thinking

V. I. Karasik

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with a tentative grounding of philological thinking as a professionally determined type of cognitive activity. Two variants of a problem situation (factual and fictional) have been described. Professional philological argumentation is based on the dominant axioms for this type of professional activity.

Keywords

philological thinking, dominant axioms, world categorization, content and expression, code and situation, general and contextual meaning

Acknowledgements

Acknowledgement: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 19-012-00609 A “The modern Russian axiological sphere: pragmatic and semantic transformation of the Russian cultural code”

For citation

Karasik V. I. On Philological Thinking. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 40–56. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-40-56

Доминирующий вид деятельности оказывает влияние на склад мышления. Под мышлением в психологии понимается социально-обусловленная опосредованная и обобщенная познавательная деятельность, противопоставляемая видам чувственного познания – ощущению, восприятию и представлению. Мышление сориентировано на осмысление свойств, связей и отношений между вещами, т. е. на понимание их сути. Выделены и охарактеризованы различные типы мышления на основании его многомерных качеств: 1) предметно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое; 2) дискурсивное и интуитивное; 3) репродуктивное и творческое; 4) критическое и некритическое; 5) мифологическое и научное и др. Вместе с тем можно говорить о выделении типов мышления, отталкиваясь от его ситуативно-предметной направленности.

Известно, что существуют определенные разновидности мышления: математическое, которому свойственны генерализация понятий и фор-

мультимедийное осмысление материала; юридическое, характерными особенностями которого выступают точность развернутых формулировок и последовательность доводов; художественное, отличительными признаками которого являются переживаемые нетривиальные образы и сюжеты, и т. д. Представляется, что в этом ряду типов мышления можно выделить и мышление филологическое, имеющее свои особенности и проявляющееся в дискурсивной практике филологов. Особенности коммуникативного поведения представителей разных профессий привлекали внимание исследователей [Варнавских, 2004; Елина, 1997; 2002; Зюбина, 2005; Ленец, 1999; Нужнова, 2003; Одарюк, 2003; Чунахова, 2006]. Но многие вопросы, относящиеся к этой проблематике и характеризующие типы языковых личностей, еще требуют освещения.

Разумеется, мышление – многомерный феномен, и его профессионально-обусловленный компонент неразрывно связан с личностным, возрастным, гендерным, ситуативным и другими компонентами. Представляется, что выделение типов мышления соотносимо с теми аксиоматическими установками, которые Ю. С. Степанов назвал «философскими константами языка» [1985, с. 7–8]. Постановка вопроса о филологическом мышлении представляет интерес и в плане конвергенции научного и художественного дискурса [Силантьев, 2016, с. 310], и в плане соотношения творчества и исследования [Фещенко, 2006, с. 41].

Филология, будучи областью гуманитарного знания, характеризуется тремя группами признаков: общенаучным освоением мира, гуманитарным осмыслением реальности и собственно филологической спецификой организации и манифестации знания. Общенаучное освоение мира состоит в построении его теоретической модели, оперировании строгими понятиями и логическими рассуждениями [Касавин, 2008]. Гуманитарное осмысление реальности заключается в выделении и объяснении тех ее особенностей, которые раскрывают сущность внутреннего мира человека, созидающего культурную среду своего существования (в отличие от естественнонаучного освоения действительности, сориентированного на познание и преобразование природы) [Бахтин, 1986; 2000]. Филологический аспект гуманитарного знания сводится к предмету филологии – языковой, речевой и текстовой концептуализации действительности, отраженной в значениях и формах языковых единиц и различных коммуникативных образований.

Мышление обусловлено проблемной ситуацией – положением дел, требующим принятия решения на основе осмысления нескольких вариантов объяснения чего-либо. Подчеркну, что речь идет о словесно-логиче-

ском мышлении. В динамическом плане проблемная ситуация разворачивается как постановка вопросов, выдвижение гипотез, аргументация и контраргументация, принятие решения. Известна радикальная позиция Г. П. Щедровицкого, утверждавшего, что многим людям логически выстроенное критическое и креативное мышление вообще не присуще. Специфику филологического мышления можно увидеть, сравнив подходы к одной и той же проблемной ситуации у представителей разных областей знания или – шире – разных культурно-когнитивных форматов освоения мира.

Леонард Шлейн [Shlain, 1999], автор известной книги «The Alphabet Versus the Goddess» («Алфавит против богини»), формулирует интересную проблему: закономерна ли корреляция между иероглифическим и алфавитным письмом, с одной стороны, и политеизмом и монотеизмом, с другой стороны. Эта проблема затрагивает предметные области культурологии, истории, психологии и лингвистики. В истории человечества, действительно, цивилизации, использовавшие иероглифическую письменность, были политеистическими, а изобретение алфавита сопряжено с переходом к единобожию (хотя греки и римляне пользовались алфавитами, но поклонялись многим богам). Известно, что иероглифическая письменность возникла раньше, чем алфавитная, а матриархат предшествовал патриархату. В период политеизма войны велись регулярно, но не носили религиозно-идеологического характера, и в целом отношение к тому, каким богам поклоняться, было индивидуальным (или семейным) выбором людей. Корреляция «иероглиф / буква» – «политеизм / монотеизм» приобретает дополнительное измерение «матриархат / патриархат». И далее автор развивает эту идею, приводя тезис о том, что женщины отличаются правополушарным, преимущественно образным, мышлением, а мужчины – левополушарным, преимущественно логическим. Выстраивается целостная картина: иероглиф – это стилизованный образ, а буква – сигнальный знак, при этом иероглиф коррелирует с женским началом, политеизмом и веротерпимостью, а буква – с мужским началом, монотеизмом и идеологическим фанатизмом.

Как эту проблемную ситуацию комментируют историки? Их аргументы сводятся к следующим тезисам.

1. Логично, что звукобуквенное письмо способствует отрыву от образов и ведет к развитию абстрактного мышления, на основе которого возникает идея о едином боге, который недоступен чувственному восприятию.

2. Эта идея для большинства населения выглядит бессмысленной, и поэтому в мировых монотеистических религиях дополняется иконами и/или детальной ритуальной регламентацией повседневной жизни.

3. Интеллектуальная элита общества оперирует абстрактными категориями независимо от типов письменности и религии.

4. В историческом плане матриархат предшествует патриархату, но не сводится к власти женщин над мужчинами, а предполагает равное участие всех в ведении войн и защите племени.

5. В обсуждаемой проблемной ситуации отсутствует экономическая составляющая, без которой вся схема выглядит неполной.

6. Тезис о правополушарности женщин и левополушарности мужчин в связи с большей склонностью первых к образному, а вторых к логическому мышлению отражает бытовые предрассудки и объясняется тем, что школьное образование, которое на протяжении веков было доступно только мальчикам, тренирует словесно-логические способности.

Общий вывод: предложенная модель учитывает произвольно выбранные характеристики развития общества, игнорирует исторические факты, отличается дилетантизмом и поэтому не выдерживает критики.

Вторую группу информантов составили представители естественнонаучных областей знания – медики и физики. Они высказали следующие аргументы.

1. Переход от иероглифов к буквам был вызван потребностями более детальной и массовой передачи знаний и органично изменил ментальность людей, которые получили возможность оперативно обрабатывать информацию.

2. Корреляция между типом письменности и типом религии интересна, но поскольку религия как социальный институт не служит задачам познания законов природы и общества, а переход к монотеизму не привел ни к техническому прогрессу, ни к улучшению морали, то такая корреляция не позволяет объяснить принципы социального развития. Технический прогресс развивался параллельно с принятием монотеизма.

3. Различия в ментальности мужчин и женщин объясняются биологическими и социальными причинами – прежде всего, деторождением и воспитанием детей. Потребности развития производства привели к необходимости различных типов специализации, в том числе и гендерной.

4. Существует специфика правополушарных и левополушарных функций головного мозга, но она не сводится только к противопоставлению образного и словесно-логического мышления. Развитие словесно-логиче-

ского мышления обусловлено необходимостью совершенствовать систему хранения и передачи знаний. Гендерные стереотипы поведения весьма вариативны у разных народов.

5. Письменность – это один из инструментов познания и преобразования мира, она системно связана с другими инструментами, главным образом орудиями труда и видами оружия. В приведенной схеме эта связь никак не показана.

6. Как в практическом, так и в теоретическом познании велика роль интуиции, которая основывается на обработке знаний разного типа, а не только словесно-логических. Обсуждаемая модель исходит из тезисов о словесно-логическом мышлении как высшей ступени развития когниции и о формальной логике как высшем уровне интеллектуального освоения мира, но эти тезисы могут быть оспорены.

Общий вывод: обсуждаемая схема побуждает ставить вопросы и искать ответы и поэтому заслуживает внимания, но содержит серьезные теоретические изъяны, которые состоят в чрезмерном акцентировании роли религии в развитии общества и постулировании спорных тезисов в качестве аксиом.

Третью группу опрашиваемых составили художники и музыканты. Их аргументация была следующей.

1. Тезис о связи социального прогресса с переходом от иероглифов к буквам представляется спорным, об этом свидетельствует опыт китайской цивилизации, не отказавшейся от иероглифики, сохранившей традиционные ценности и добившейся существенных успехов в развитии науки и техники.

2. Художественное осмысление мира не зависит от степени развития словесно-логического мышления. Образ поддается символизации и побуждает мыслить многих, а система силлогизмов используется в очень ограниченной сфере познания. Упорядоченность мышления, к которой ведет классическое школьное словесно-логическое образование, связана с потерей креативности.

3. Вряд ли можно говорить об эстетическом прогрессе на протяжении последних трех тысячелетий, а приверженность индивида монотеизму либо политеизму обусловлена культурой его общества и складом его характера.

4. Мужское и женское в человечестве неразрывно взаимосвязаны, право-полушарное мышление соотносится не только с образностью, но и с эмоциями. Женщины традиционно более вариативно и детально выражают

эмоции, но это обусловлено спецификой гендерных предписаний поведения по отношению к женщинам и мужчинам.

5. Что касается идеологического фанатизма, то он связан с архетипическим противопоставлением своих и чужих и поэтому присущ любым социальным группам на определенном этапе развития общества. В этой схеме нет связей с архетипами сознания.

6. Не будем забывать о жанре обсуждаемой книги: это научно-популярная, т. е. развлекательно-просветительская литература, свои задачи эта модель выполняет, поскольку возражения ведут к постановке новых вопросов.

Общий вывод: предлагаемая модель интересна как стартовая точка для дискуссий, в ней акцентированы актуальные для многих вопросы, и поэтому книгу можно рекомендовать для чтения.

Филологи следующим образом отреагировали на схему Л. Шлейна.

1. Иероглифическое письмо способствует развитию метафорического мышления, а метафора является важнейшим когнитивным механизмом освоения действительности. Звукобуквенное письмо, возникнув как вспомогательный инструмент к иероглифической записи концептов, в силу технической легкости постепенно вытеснило иероглифы, как те в свое время вытеснили пиктографию. На базе звукобуквенного письма возникает система формул. В основе смены типов письменности лежит коммуникативная потребность оптимизации кода с учетом типа ситуации.

2. Религия представляет собой систему ориентиров в отношении смысла жизни, возникновения и развития мира и норм взаимоотношений между людьми. Любая религия соответствует потребностям человека в связи с высшим началом, с другими людьми и самим собой.

3. В знаковом отношении монотеизм есть не отсутствие образа или непостижимость Бога, а бесконечная множественность проявления божественности. В политеизме это было заложено в идее превращения богов в кого угодно. Идея бесконечности требует высокого уровня генерализации мышления, однако адаптация монотеизма к массовому сознанию приводит к ограниченному количеству канонизированных образов высшего существа или запрету его изображения и упоминания.

4. Развитие сигнальных знаков на базе иконических и более поздняя специализация левого полушария непротиворечиво соотносятся друг с другом, но образная основа сигнальных знаков проявляется в коммуникативной практике детей, носителей диалектов, поэтов и профессиональных филологов. Гендерная специфика мышления имеет место, и тот факт,

что женская интуиция превосходит мужскую, не подлежит сомнению. Вполне допустимо то, что развитие словесно-логического мышления подавляет интуитивные способности.

5. Предложенная схема интересна, но в ней недостаточно освещены возможности метафоризации и символизации содержания, выражаемого в алфавитной форме.

6. С филологической точки зрения важно отметить, что переход на алфавитное письмо привел к взрывному росту различных текстов, возникновению и развитию новых жанров и появлению литературы как социального феномена (*litera* – лат. «буква»).

Общий вывод: модель Л. Шлейна заслуживает обсуждения, в ней есть рациональное зерно, если к этой схеме относиться как к теме для дискуссии.

Сравнение приведенных аргументов позволяет заключить, что специфика профессиональной деятельности влияет на аргументацию при осмыслении проблемной ситуации следующим образом: представители определенной профессии строят свои рассуждения на основании профессиональных аксиом (для историков это значимость факта, для представителей естественнонаучного знания – системность модели, для художников и музыкантов – креативность как высшая ценность, для филологов – потенциал кода).

Заслуживает внимания отношение опрошенных к темам социального прогресса, роли религии в жизни общества, специфики гендерного поведения. Эти темы являются индикаторами профессионально значимой реакции при выдвижении аргументов.

Вполне предсказуемой оказалась негативная реакция обществоведов на провокационную постановку вопросов в сфере их компетенции. Медики и физики закономерно подчеркнули роль интуитивного озарения в их профессиональной деятельности. Для представителей творческих профессий на первое место выдвинулся поиск основных символов, предельным выражением которых являются архетипы. Филологи отметили продуктивность рассмотрения данной проблемной ситуации в рамках соотношения значения и смысла, или кода и его ситуативного уточнения.

Обратим внимание на категоричность оценки у историков, профессиональная деятельность которых обязывает их занимать четкую идеологическую позицию при анализе значимых для них ситуаций, на противопоставление научной и мифологической картин мира в оценке у физиков и врачей, для которых верификация является критерием истины, на акцен-

тирование роли эмоций при оценке той или иной идеи у художников и музыкантов, на подчеркивание ключевого знакового противопоставления «содержание – форма» в аргументах филологов.

Сравним результаты осмысления проблемной ситуации, содержанием которой являются приведенные идеи о корреляциях различных характеристик действительности, с осмыслением фикциональной ситуации, представленной в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Роза Парацельса»¹. Этот писатель, как известно, создал фантастические миры, населенные героями, ищущими смысл жизни и пытающимися найти объяснение скрытым законам бытия. Его произведения насыщены энциклопедической информацией об истории человечества. Сюжетная линия рассказа такова. Великий средневековый мистик и алхимик Парацельс обратился с мольбой к Создателю найти ученика. И в дом к алхимику пришел молодой человек, который сказал, что хочет стать его учеником. В одной руке у молодого человека была торба с золотыми монетами, платой за обучение, а в другой – живая роза. Гость попросил мастера немедленно продемонстрировать чудо – оживить розу, брошенную в огонь. Парацельс ответил молодому человеку, что тот чересчур доверчив, и пояснил, что цветок можно вернуть к жизни не в колбах и ретортах, а только с помощью Слова, и для этого нужна вера. Юноша схватил розу и швырнул ее в огонь. Осталась горсточка пепла. Старый алхимик усмехнулся и сказал, что многие считают его шарлатаном. Молодому человеку стало стыдно, он понял, что настоящей веры у него нет. Он попросил разрешения вернуться к мастеру через некоторое время, но они оба знали, что больше никогда не встретятся. Гость ушел, Парацельс устроился в кресле, встряхнул щепотку пепла в ладони и произнес Слово. И возникла роза.

Историки прокомментировали эту притчу следующим образом.

1. Перед нами аллегория, в которой повествуется о необходимости верить в то, что ты делаешь.

2. Средневековая алхимия была закономерным этапом развития познания, и хотя цели и методы этой познавательной практики нельзя назвать научными, полученный опыт способствовал возникновению и становлению науки. С алхимиками активно боролась церковь, считая этих людей колдунами, заключившими сделку с дьяволом.

¹ Борхес Х. Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения: Пер. с исп. / Сост., вступ. ст. В. Багно. СПб.: Северо-Запад, 1992. 639 с.

3. В наши дни возрождается интерес к паранормальным явлениям, что свидетельствует о кризисе общества. Хотя данный рассказ представляет собой художественный вымысел, он построен как повествование о событии, в котором принимают участие реально жившие (в разное время) персонажи – Парацельс, настоящее имя – Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493–1541), профессор медицины Базельского университета, родоначальник научной фармакологии, практикующий медик, которому удалось вылечить, казалось бы, неизлечимых пациентов, соединивший в своей деятельности медицину и астрологию, и Иоганн Гризебах (на самом деле – Эдуард Гризебах, 1845–1906), немецкий дипломат, писатель, автор биографии Шопенгауэра. Возможно, автор вывел в качестве персонажа Иоганна Грисбаха (1745–1812), протестантского теолога, профессора Йенского университета.

4. Каждому ученому хочется встретить ученика, которому можно передать знания и который пойдет дальше, развивая науку. Такие встречи – редкость. Основной недостаток учеников – юношеское нетерпение, стремление немедленно получить в руки сокровенные знания. Учеников следует подвергать испытаниям.

5. Если человек верит в то, чем он занимается, то его мечты сбываются.

Общий вывод: это красивая притча, в художественной форме выражающая идею о необходимости служения своему делу. Интерес к необъяснимым паранормальным явлениям всегда сопутствует научному поиску истины. Среди энтузиастов, исследующих паранормальное, всегда много шарлатанов. Не бывает легких путей в науке.

Физики и медики высказали следующие суждения о содержании данного рассказа.

1. Этот рассказ представляет собой метафору отношения к жизни, роза – это реальная жизнь, которую легко уничтожить. Невозможно воскресить мертвых. Но в воображаемом мире действуют свои законы, и там с помощью волшебных средств можно творить чудеса.

2. Алхимия, астрология и хиромантия – лженауки, широко распространенные в средневековой Европе. Они эксплуатировали невежество людей и базировались на вере в то, что существует некий философский камень, с помощью которого можно всё превратить в золото, а с помощью заклинаний можно преодолеть границы законов природы.

3. Рассказ можно рассмотреть как повествование о двойственной неудаче: учитель не смог найти того ученика, которого искал, а ученик ошибся в выборе учителя.

4. Роза Парацельса существует в его воображении, на самом деле в ладони старика есть только горстка пепла. Из данных, размещенных в Интернете, известно, что у Парацельса было много учеников и сторонников, хотя он имел и немало врагов и завистников. Вероятно, он был очень энергичным и талантливым человеком, многосторонней личностью эпохи Ренессанса.

5. Заслуживает внимания то, что Парацельс в этом рассказе отказывается от опытов (реторты и колбы покрыты пылью), а прибегает только к Слову, т. е. действует как мистик. Иначе говоря, как ученый он терпит поражение.

Общий вывод: это повествование о трагедии напрасного жертвоприношения, неудавшейся встречи единомышленников и отказа от принятия этого мира как точки опоры.

Художники и музыканты так определили свое отношение к рассматриваемому рассказу.

1. Это замечательная притча о силе веры как основы человеческой жизни. В тексте повествования сталкиваются понятия «вера» и «доверчивость». Для сотворения чуда нужна вера, а доверчивость выступает как легковере, желание получить результат без духовных и душевных усилий.

2. Известно, что в практике йогов действует установка: преобразование мира есть преобразование себя. Так же поступают и алхимики. Этот рассказ можно трактовать и как поиск подлинности в жизни: для Парацельса подлинным является то, что происходит в его душе.

3. В соответствии с традицией ученик не говорит учителю, что тот должен делать, но принимает или отвергает действия учителя. В рассказе Борхеса будущий возможный ученик Парацельса пытается заставить великого прославленного алхимика демонстрировать чудеса, как факира на рынке. Правда, в итоге молодой человек осознаёт, насколько он был неправ.

4. Центральным образом рассказа является роза, которая обычно символизирует красоту. Юноша хочет стать хозяином бессмертной красоты, считая, что для этого нужно произвести какие-либо таинственные манипуляции или произнести заклятья.

5. Роза, действительно, возрождается из пепла (сравнение с фениксом), но это происходит в ладони Парацельса. Насколько важно при этом произнесенное Слово – это дискуссионный вопрос. Важен субъект, творец, наделяющий жизнью то, к чему он прикасается.

Общий вывод: чудеса возможны, в основе чудес лежит вера в их осуществимость, нужно отличать волшебство от его имитации, волшебство не может осуществиться по требованию, оно суверенно, как и всякий акт творчества.

Позиции филологов были сформулированы в виде следующих аргументов.

1. Этот текст представляет собой двойной диалог: Парацельс обращается с просьбой к Богу, кандидат в ученики просит алхимика сотворить чудо. В обоих случаях ответы отрицательные – пришедший оказывается недозревшим для того, чтобы стать учеником этого мастера (хотя и демонстрирует большое рвение), а мастер не выполняет просьбу гостя, поскольку испытанию подлежит ученик, а не учитель.

2. Текст построен на контрастах: старый алхимик и молодой гость (этот рассказ был создан ослепшим Борхесом на последнем году его жизни), вера и доверчивость, золото как плата за обучение и живая роза, покрытые пылью реторты и волшебное Слово, пепел и роза, небо и земля (подлунный мир).

3. Предметом повествования является чудо, которое становится возможным в результате произнесения Слова. Произнесение не сводится к озвучиванию некой тайной комбинации фонем, а имеет глубокий религиозный смысл, соотносимый с началом Евангелия от Иоанна: «*В начале было Слово*». Аллюзии к Каббале не оставляют сомнений в том, под Словом понимается акт божественного творения, перехода сущностей из одного мира в другой.

4. Значимым оказывается осмысление концепта *ПУТЬ / ДОРОГА*: гость просит Парацельса показать дорогу, ведущую к Камню (философскому камню как первооснове бытия), и мастер отвечает: «*Путь – это и есть Камень. Место, откуда идёшь, – это и есть Камень*». В оригинале используется слово *el camino* – «дорога», «путь». В английском переводе текста в обоих случаях находим слово *path* – «тропа», «стезя», «траектория». Получается, что путь – внутри идущего. Видна параллель с важнейшим концептом китайской картины мира – *ДАО – ПУТЬ*.

5. Весьма важным является противопоставление в рассказе сущности явления и его кажимости: гость думает, что может уничтожить розу, бросив ее в огонь, а мастер напоминает ему, что в таком случае роза становится огнем, а затем пеплом, не переставая оставаться розой.

Общий вывод: данный рассказ представляет собой выраженный в виде притчи символ веры. Реальное воздействие на мир осуществляется через

Слово. Видна определенная параллель между автором и персонажем: и тот, и другой обладают способностью творить миры, понимая при этом эфемерность мира вещественного.

Сравнение аргументации у представителей различных областей знания и деятельности применительно к проблемной ситуации, показанной в рассказе Х. Л. Борхеса, дает возможность сделать следующие выводы: 1) в доводах историков видна опора на факты, существенным является противопоставление научного и донаучного знания, акцентируется система ценностей в обществе; 2) представители естественнонаучного знания проводят контраст между наукой и лженаукой и подчеркивают необходимость бережного отношения к жизни; 3) художники и музыканты выносят на первый план символику повествования, его эмоциональный заряд, заложенный в ключевых концептах рассказа – *ВЕРА* и *КРАСОТА*; 4) у филологов прослеживается использование семантических оппозиций и поиск глубинного смысла как всего текста, так и его ключевых слов. Эти характеристики коррелируют с теми признаками, которые были установлены применительно к анализу проблемной ситуации в виде теоретической схемы.

Таким образом, осмысление проблемной ситуации в двух ее типовых разновидностях – фактуальной и фикциональной – подтверждает предположение о профессионально-обусловленном мышлении в виде аргументов и оценок. Профессиональная аргументация базируется на доминантных аксиомах, определяющих профессионально-предметную деятельность людей. Эта аксиоматика различна у представителей естественнонаучного и гуманитарного знания. Основные характеристики филологического мышления обусловлены принципами категоризации мира в языке, системой оппозитивных отношений, соотношением ключевых векторов лингвистического знания «содержание – выражение», «код – ситуация» и «значение – смысл».

Список литературы

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 381–393.

Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 227–231.

Варнавских Н. В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 16 с.

Елина Е. А. Социолингвистический аспект речи персонажей-военных (на материале русской прозы XIX – начала XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997. 17 с.

Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2002. 256 с.

Зюбина И. А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 18 с.

Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.

Ленец А. В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. 16 с.

Нужнова Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 19 с.

Одарюк И. В. Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 23 с.

Силантьев И. В. «Воображаемая словесность» Ю. С. Степанова и стратегия конвергенции научного и художественного дискурса // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 309–319.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985. 336 с.

Фещенко В. В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции / Под ред. Ю. С. Степанова, В. В. Фещенко. Москва; Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2006. С. 35–46.

Чунахова Л. В. Особенности речевого поведения художников второй половины XIX века (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 17 с.

Shlain L. The Alphabet Versus the Goddess: The Conflict Between Word and Image. Penguin Books, 1999. 496 p.

References

Bakhtin M. M. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [To philosophic foundations of the Humanities]. In: Bakhtin M. M. Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. St. Petersburg, Azbuka, 2000, p. 227–231. (in Russ.)

Bakhtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [To the Methodology of the Humanities]. In: Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. Comp. by S. G. Bocharov. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, p. 381–393. (in Russ.)

Chunakhova L. V. Osobennosti rechevogo povedeniya khudozhnikov vtoroj poloviny XIX veka (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Peculiarities of speech behavior of artists of the 19th century second half (on the material of the English and Russian languages)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Rostov on Don, 2006, 17 p. (in Russ.)

Elina E. A. Sotsiolingvisticheskiy aspekt rechi personazhej-voennykh (na materiale russkoj prozy XIX – nachala XX veka) [A sociolinguistic aspect of military characters speech (on the material of the Russian fiction, 19th – beginning of 20th centuries)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Saratov, 1997, 17 p. (in Russ.)

Elina E. A. Verbal'nye interpretatsii proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva. Nominativno-kommunikativnyj aspekt [Verbal interpretations of imaginative art works. A nominative and communicative aspect]. Saratov, Saratov State Uni. Press, 2002, 256 p. (in Russ.)

Feshchenko V. V. Semiotika tvorchestva i lingvistika kreativnosti [Semiotics and linguistics of creativity]. In: Stepanov Yu. S., Feshchenko V. V. (eds.). Tvorchestvo vne traditsionnykh klassifikatsij gumanitarnykh nauk: Materialy konferentsii. Moscow, Kaluga, IP Koshelev A. B., 2006, p. 35–46. (in Russ.)

Kasavin I. T. Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka [Text. Discourse. Context. An introduction to a social epistemology of the language]. Moscow, Kanon+, 2008, 544 p. (in Russ.)

Lenets A. V. Pragmalingvisticheskaya diagnostika osobennostej rechevogo povedeniya nemetskogo uchitelya [A pragmalinguistic diagnosis of German teachers speech behavior]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Pyatigorsk, 1999, 16 p. (in Russ.)

Nuzhnova E. E. Pragmalingvisticheskiy aspekt rechevogo povedeniya spetsialistov v oblasti komp'yuternoj tekhniki [A pragmalinguistic aspect of IT specialists speech behavior]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Rostov on Don, 2003, 19 p. (in Russ.)

Odaryuk I. V. Osobennosti stereotipnogo rechevogo povedeniya zhurnalistov [Peculiarities of stereotypical journalist speech behavior]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Rostov on Don, 2003, 23 p. (in Russ.)

Shlain L. *The Alphabet Versus the Goddess: The Conflict Between Word and Image*. Penguin Books, 1999, 496 p.

Silantev I. V. "The imaginary literature" by Yu. S. Stepanov and a strategy of convergence of scientific and artistic discourse]. *Critique & Semiotics*, 2016, no. 2, p. 309–319. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. V trekhmernom prostranstve yazyka (semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva) [In the three dimensional language space (Semiotic problems of Linguistics, philosophy, and art)]. Moscow, Nauka, 1985, 336 p. (in Russ.)

Varnavskikh N. V. Tipologicheskie cherty rechevogo povedeniya russko-i anglogovoryashchikh advokatov (pragmalingvisticheskiy podhod) [Typological features of speech behavior of Russian and English speaking solicitors (a pragmalinguistic approach)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Rostov on Don, 2004, 16 p. (in Russ.)

Zyubina I. A. Pragmalingvisticheskiy aspekt rechevogo povedeniya russkogovoryashchego i anglogovoryashchego gosudarstvennogo obvinitelya [A pragmalinguistic aspect of speech behavior of Russian and English speaking state persecutors]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Dis. Rostov on Don, 2005, 18 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия)

vkarasik@yandex.ru

ORCID 0000-0001-8306-5317

WoS Researcher ID C-3975-2016

Scopus Author ID 5719 3175 093

Information about the Author

Vladimir I. Karasik, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Pushkin State
Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

vkarasik@yandex.ru

ORCID 0000-0001-8306-5317

WoS Researcher ID C-3975-2016

Scopus Author ID 5719 3175 093